

ЛЮДВИГЪ II, КОРОЛЬ БАВАРСКІЙ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію то обстоятельство, что въ жизни, развитіи, совершенствованіи и паденіи народовъ и государствъ играютъ важную роль географическія, климатическія, геологическія и другія явленія природы. Но не подлежитъ сомнѣнію также и то, что весьма часто судьба народа или государства зависитъ отъ воли, характера и направленія дѣятельности лица, стоящаго во главѣ даннаго народа или государства. Въ послѣднемъ случаѣ геніальный умъ, мощный характеръ и широкая государственная дѣятельность выдвигали государства и народы, дѣлали ему исторію и составляли славу, могущество и господство. Но очень

не рѣдки случаи и другого рода: когда слабые, неспособные, узкіе и слишкомъ себялюбивые правители губили государства и лишали ихъ достигнутыхъ уже и установившихся могущества и господства.

Геній, умъ, характеръ, душевная мощь государя составляютъ одно изъ важныхъ началъ государственной жизни этого народа, но это начало, а, слѣдовательно, частью и судьба народа, подвержены различнымъ колебаніямъ, въ зависимости отъ наслѣдственныхъ качествъ, воспитанія, образованія, окружающихъ людей и обстановки, здоровья и болѣзни и т. д. Правители, какъ люди, точно также, какъ и всѣ мы, не ограждены и не застрахованы ни отъ смерти, ни отъ болѣзни. И эти болѣзни могутъ касаться какъ тѣла, такъ и души человѣка. Исторія приводитъ намъ много примѣровъ сумасшествія и душевныхъ болѣзней царей. Припомнимъ Навуходоносора, который скитался по лѣсамъ въ скотоподобномъ состояніи, — Камбиза —

жестокаго тирана и лютейшаго изъ государей своего времени, — Саула, страдавшаго приступами тоски, доведившей его до покушенія на убійство своего любимца, отрока Давида и т. д. Исторія императоровъ Римской имперіи даетъ намъ цѣлый рядъ сумасшедшихъ лицъ. Новѣйшее время тоже не далеко ушло отъ давнаго, давая цѣлый рядъ тяжелыхъ нервныхъ заболѣваній коронованныхъ лицъ, каковы: король Нидерландскій, королева Румынская, Султанъ Турецкій, король Баварскій Оттонъ и нѣкоторые другія лица, нынѣ еще дѣйствующія, господствующія и могущія принести ужасное несчастье многимъ десяткамъ милліоновъ людей.

На нашихъ глазахъ развилась и окончилась, весьма плачевно окончилась, душевная болѣзнь привлекательнѣйшаго изъ государей, Людовига II-го короля Баварскаго.

На его исторіи и судьбѣ мы остановимъ въ настоящемъ случаѣ наше вниманіе.

Людвигъ II происходитъ изъ

рода Виттельсбаховъ. Какъ во времена цезарей нѣкоторыя изъ царственныхъ семействъ и патриціевъ отличались длинными носами, большими ушами и проч., такъ и родъ Виттельсбаховъ искони отличался дарованіями въ области архитектуры и художествъ. Правда, воинскія доблести имъ тоже не были чужды, но главную славу Виттельсбаховъ составляетъ искусство. Въ тридцатилѣтнюю войну Герцогъ Баварскій былъ представителемъ Германской имперіи. Когда Густавъ Шведскій въ 1632 г. занялъ Мюнхенъ, то онъ пораженъ былъ величіемъ, изяществомъ и художествомъ отдѣлки дворца бѣжавшаго Курфюрста.

— Какой архитекторъ строилъ этотъ дворецъ? спросилъ Густавъ.

«Самъ Курфюрстъ», былъ ему отвѣтъ.

— Я бы хотѣлъ его видѣть, чтобы пригласить въ Стокгольмъ.

Обращаясь къ ближайшимъ предкамъ Людвига II, мы видимъ, что во времена Наполеона I, въ награду за помощь и союзъ ему,

Максимиліанъ — Іосифъ I былъ назначенъ королемъ Баварскимъ съ присоединеніемъ къ Баваріи части Тироля. Этотъ король былъ страстный любитель живописи и изваяній, почему много милліоновъ онъ затратилъ на пріобрѣтеніе мраморныхъ изваяній и обогащеніе картинной галлерей. Сынъ его (дѣдъ Людвига II) тратилъ также милліоны на постройку великолѣпнѣйшихъ зданій, то въ греческомъ, то въ итальянскомъ стилѣ, послужившихъ лучшимъ украшеніемъ Мюнхену. Тотъ же король страстно любилъ живопись и былъ покровителемъ Каульбаха и Карнеліуса. Революція 48 г., а также многія неосторожности и промахи въ жизни были причиною тому, что онъ лишился престола.

У Людвига I были сыновья: Максимиліанъ II, отецъ Людвига II, Оттонъ, бывшій король греческій, Адальбертъ и Луитпольдъ, нынѣшній регентъ Баваріи; — Максимиліанъ II, женатъ былъ на Маріи Гогенцолернской, дочери принца Прусскаго Фридриха —

Вильгельма. Полагають, что эта принцесса внесла сумасшествіе въ домъ Виттельсбаховъ. Хотя это едва ли имѣетъ вѣроятіе, такъ какъ уже до нея Виттельсбахи не чужды были этой болѣзни. Говорять, что тетка Людвига II Софія страдала душевной болѣзью и лечилась въ домѣ умалишенныхъ въ Шенау. Главною болѣзненною ея мыслью было то, что она проглотила стеклянную софу.

Максимиліанъ II имѣлъ двухъ сыновей: старшаго Людвига и младшаго Оттона.

Оттонъ родился въ 1848 г. Живой, рѣзвый, очень подвижной и впечатлительный, онъ обнаружилъ большую страсть и вмѣстѣ съ тѣмъ большіе успѣхи въ наукахъ. Получивъ прочную общеобразовательную подготовку, онъ поступилъ въ университетъ, гдѣ съ увлеченіемъ слушалъ лучшихъ Мюнхенскихъ профессоровъ. Во время прусско-французской войны Оттонъ принималъ въ ней горячее участіе и получилъ желѣзный крестъ. Страсть

къ наукамъ скоро смѣнилась страстью къ театру, — но къ театру легкому и фривольному. Обожа́ніе оперетокъ скоро превратилось въ обожа́ніе опереточныхъ пѣвицъ. Слабое здоровье не выдержало кутежей, увлеченій и разгула съ женщинами и будущій король быстро пошелъ по пути къ полному слабоумію. Назначенный королемъ на мѣсто умершаго своего несчастнаго брата, Оттонъ въ началѣ очень тѣшился титуломъ «Ваше Величество», но затѣмъ и эта искра скоро въ немъ погасла.

Людвигъ II, старшій сынъ Максимилиана I, родился въ 1845 г., 25 августа. Физически онъ представлялся очень крѣпкимъ и сильнымъ ребенкомъ. Его воспитаніе было вполнѣ надлежащее: для развитія физическихъ силъ онъ проходилъ строгую гимнастику, — его познанія обогащались лучшими учителями Мюнхена, — его эстетическая сторона воспитывалась едва ли не на лучшихъ въ свѣтѣ образцахъ художественнаго міра, сосредоточенныхъ предками Людвига въ Мюнхенѣ. Къ 19 г. это

былъ высокій, стройный, одаренный большой силой и обширными знаніями юноша, невольно поражавшій окружающихъ какъ своею физическою красотою, такъ и своимъ блестящимъ умомъ. Особенно поражали окружающихъ своимъ необыкновеннымъ выраженіемъ глаза Людвига II. Дѣдъ его Людвигъ I обожалъ своего внука. Знаменитый психіатръ французскій Morel, бывшій около того времени въ Мюнхенѣ, также былъ пораженъ внѣшностью Людвига II. Дѣдъ короля видѣлъ въ его глазахъ огонь божества, — Morel усматривалъ въ нихъ сумасшествіе. «Это страстные глаза Адониса», сказалъ Людвигъ I. «Это глаза, въ которыхъ говоритъ будущее сумасшествіе», сказалъ Morel, — и онъ былъ правъ.

19 лѣтъ Людвигъ II унаслѣдовалъ Баварскій престолъ. Никто не думалъ, чтобы такой блестящій восходъ закончился такимъ темнымъ и мрачнымъ закатомъ. Очень любившій своего брата Отто, Людвигъ рѣзко отличался отъ него по характеру. Онъ былъ

необщителенъ, замкнутъ, скрытенъ, гордъ и мечтателенъ. Оставаясь болѣе одинокимъ, онъ предпочиталъ проводить время въ фантастическихъ картинахъ своей мечты. Будучи очень впечатлительнымъ и экзальтированнымъ, онъ являлся весьма неустойчивымъ во взглядахъ, убѣжденіяхъ и поступкахъ, быстро набрасываясь на дѣла и быстро ихъ покидая. Перескакивая отъ дѣла къ дѣлу, онъ неспособенъ былъ ни на чемъ долго сосредоточиваться. Живущій постоянно фантазіями, Людвигъ и на весь окружающій міръ смотрѣлъ сквозь очки своей мечты, придавая предметамъ и мечтамъ не существующіе оттѣнки и черты. Эти особенности характера короля не могли не поражать окружающихъ и серьезные государственные люди съ невольнымъ сжатіемъ сердца взирали на этого статнаго красавца, но страннаго юношу.

Въ противоположность своему брату Отто, Людвигъ II былъ ненавистникомъ женщинъ. Особенно рѣзко повліялъ на него

несостоявшійся бракъ съ принцессою Софіею. Крайне эксцентричный, мечтатель и фантазеръ, Людвигъ увлекся и женщиною соотвѣтствующаго характера, въ лицѣ принцессы Софіи. Она походила на лѣсную нимфу и была страстною любительницею охоты, собакъ, лошадей и всевозможныхъ приключеній. Жила она на берегу озера, каталась одинокою въ лодочкѣ и окружила себя романическою обстановкою. Фантазіи, мечты, увлеченія и вѣчный вихрь неожиданностей—это ея внутренній міръ. Однажды Людвигъ II, будучи женихомъ Софіи, хотѣлъ ей доставить неожиданное удовольствіе. Набравъ хоръ странствующихъ музыкантовъ, онъ направился въ замокъ невѣсты, чтобы врасплохъ исполнить серенаду. Опередивъ своихъ спутниковъ, Людвигъ уже почти настигъ намѣченной цѣли,—но былъ страшно наказанъ за свое желаніе доставить невѣстѣ удовольствіе безъ предупрежденія: въ простѣлкѣ парка онъ увидѣлъ, какъ его возлюбленная играла локонами во-

лось своего грума, сидѣвшаго на скалѣ... Едва не произошло двойное убійство. Принцесса и грумъ, а по другимъ—аббатъ принцессы, были спасены подоспѣвшими охотниками. Софія была возвращена отцу. Она заявила, что Людвигъ одержимъ галлюцинаціями и это была одна изъ нихъ.

Съ этихъ поръ Людвигъ возненавидѣлъ женщинъ и отказался отъ всѣхъ навязываемыхъ ему браковъ. Передается нѣсколько рассказовъ, подтверждающихъ это отвращеніе Людвига къ женскому полу.

Одной знаменитой актрисѣ—красавицѣ Людвигъ приказалъ читать ему вслухъ. Эти чтенія происходили въ спальнѣ короля и денно и нощно. Король лежалъ въ постели, а чтица сидѣла рядомъ на креслѣ. Однажды актриса, увлекшись чтеніемъ, во время декламации присѣла на край кровати короля. Это вызвало страшный гнѣвъ короля. Въ 24 часа она выслана была изъ Баваріи за оскорбленіе Величества, не смотря на то, что была любимицей Мюнхена.

Секретарь короля жилъ вблизи королевскаго замка. Однажды, прогуливаясь въ паркѣ, Людвигъ встрѣтилъ жену секретаря. На слѣдующій день онъ заявилъ секретарю: «я видѣлъ лицо вашей жены». Секретарь стоялъ въ недоумѣннѣ. «Я видѣлъ лицо вашей жены», повторилъ рѣзко и грубо король. Тогда секретарь вспомнилъ нетерпимость женщинъ короля и поспѣшилъ заявить, что впередъ эта неосторожность не повторится.

Единственная женщина, которую Людвигъ II выносилъ и даже ласкалъ, это была принцесса Гизела, жена принца Леопольда. Принцесса Гизела по своимъ странностямъ и эксцентричности не только походила на Людвига II, но даже превосходила его; поэтому неудивительно, если король былъ милостивъ къ человеку, который его понималъ. Однако принцессѣ Гизелѣ не легко давалось благорасположеніе короля. Людвигъ часто посылалъ букеты и другіе подарки принцессѣ днемъ и ночью. Посоль

долженъ былъ лично вручить принцессѣ подарки. И случилось нерѣдко, что принцесса Гизела должна была вставать въ 2—3 часа ночи, парадно одѣваться и принимать королевскаго посла.

Восшествіе на Баварскій престолъ Людвига II совпало съ австрійско-прусской войной. Всѣ были убѣждены, что Пруссія будетъ побѣждена хотя и не одобляли союза Баваріи съ Австріей. Вдругъ получился необыкновенно быстрый и рѣшительный разгромъ Австріи. Баварія за свой союзъ съ Австріей при этомъ потеряла весьма немного. Съ этихъ поръ Людвигъ становится страстнымъ поклонникомъ Бисмарка... Скоро наступила франко-прусская война. Пруссія, самое большее, считывала на нейтралитетъ Баваріи. Но Людвигъ, увлекаемый мыслью о единствѣ нѣмецкой народности, дѣятельно помогать прусакамъ въ войнѣ съ Франціей. Баварскій корпусъ сдѣлалъ много непріятности Франціи и значительно облегчилъ побѣду прусакамъ. Ненавистникъ войны вооб-

ще, Людвигъ не принималъ личнаго участія въ ней. За то онъ первый выступилъ съ предложеніемъ вѣнчанія героя и побѣдителя прусскаго короля германскою Императорскою короною. Въ этомъ дѣяніи онъ принялъ личное участіе. Трудно сказать, что болѣе интересовало короля: политическія соображенія, или величіе и торжественность церемоніи коронованія Вильгельма I.

Способствуя однако возвышенію Пруссіи, Людвигъ успѣлъ отстоять почти полную неприкосновенность самостоятельности собственныхъ владѣній. Баварія оставила за собою несравненно большую независимость, чѣмъ всѣ остальные государства, вошедшія въ союзъ Германской Имперіи. И въ дальнѣйшемъ Людвигъ многократно отражалъ поползновенія ставленниковъ Бисмарка, желавшихъ наложить свою руку на Баварскіе порядки и независимость.

Вскорѣ, однако, Людвигъ покинулъ политическое поприще и всецѣло отдался двумъ своимъ

страстямъ: музыкѣ и архитектурѣ.

Унаслѣдовавъ наклонности, любовь и стремленіе ко всему изящному отъ длиннаго ряда своихъ предковъ, выросши окруженный памятниками необыкновенно художествеонаго творчества, наконецъ, воспитанный преимущественно въ этомъ-же направленіи, неудивительно, если Людвигъ всѣми силами своей неуравновѣшенной и неустойчивой души отдался увлеченію прекраснымъ—музыкою и архитектурой.

Король особенно предался музыкѣ Вагнера и скоро Вагнеръ сталъ его первымъ другомъ. Увлечшись свободою полета фантазіи и шумомъ музыки Вагнера, Людвигъ не щадилъ средствъ роскошнѣйше обставить представленія его оперъ. Онъ способствовалъ устройству театра въ Бейрутѣ, — онъ-же поставилъ оперу въ Мюнхенѣ на завидную высоту. Неспособный, однако, долго останавливаться ни на чемъ, Людвигъ скоро порвалъ и свою личную дружбу съ Вагнеромъ,

хотя не переставалъ отъ времени до времени переписываться съ нимъ до смерти послѣдняго.

Король вообще часто проявлялъ дружбу ко всѣмъ артистамъ и актерамъ и часто находился въ перепискѣ съ ними. Однако эти дружескія отношенія почти всегда обрывались очень рѣзко. Всѣмъ этимъ симпатіямъ король придавалъ лишь настолько значенія, насколько они удовлетворяли его хотѣнію и капризамъ,— до другихъ же людей ему не было никакого дѣла.

Существуетъ интересный рассказъ касательно отношеній Людвига II къ Захеръ Мазоху. Известно, что этотъ симпатичный писатель самъ не безъ странности. Его герои дали основаніе психіатру Krafft-Ebing'у установить особый видъ болѣзненнаго состоянія—мазохизма. Увлеченный рассказами Захеръ Мазоха, Людвигъ вступилъ съ нимъ въ безымянную переписку. Письма за письмами все болѣе сближали ихъ. Наконецъ, Людвигъ назначилъ въ скалахъ Тироля свиданіе.

ніе Захеръ Мазоху. Свиданіе это состоялось; но то ли нашелъ Захеръ Мазохъ, что ожидалъ— покрыто мракомъ неизвѣстности.

Второю страстью короля, несравненно худшею, такъ какъ она стоила много милліоновъ и раззоряла финансы двора, была страсть къ постройкамъ новыхъ дворцовъ. Онъ выстроилъ на скалѣ, надъ пропастью, громадный замокъ Неишванштейнъ, противъ стараго замка, Гогеншвангау. Онъ построилъ другой дворецъ въ формѣ лѣтняго дворца китайскаго Императора. Онъ выстроилъ миниатюръ Версаля и еще много другихъ дворцовъ. Внутреннее устройство дворцовъ, роскошь, величіе и изящество превосходятъ всякое описаніе. Эти затраты на постройки ставили нерѣдко министерство государства въ весьма затруднительное положеніе и подвергали ихъ грубой и рѣзкой немилости короля. Тѣмъ хуже все это было, что добрая половина расточаемыхъ денегъ шла не на постройки короля, а въ карманы исполнителей

его воли. Лейбъ-медикъ короля, Dr. Шлейсъ, отзывается такъ объ окружающихъ. «Эти продажныя, мелкія, лживыя, рабскія натуры только поджигали его и вталкивали его въ безумныя затраты».

Не смотря на уединенную замкнутую и отшельническую жизнь Людвига, общество стало замѣчать въ королѣ много странностей, которыя скоро установили мысль о ненормальности его умственныхъ способностей. Личныя выгоды приближенныхъ, эгоистическія похвалы художниковъ и архитекторовъ, расточаемыя королю, нежеланіе вызвать громадный скандалъ, а также опасеніе разстроить тѣ или другія отношенія были причиною тому, что истинное положеніе умственныхъ и душевныхъ способностей короля долгое время было извѣстно только немногимъ. Высокая и эстетическая склонность короля къ покровительству искусствамъ восхищала и плѣняла его подданныхъ и была причиною тому, что Баварія охотно мирилась съ неопасными причудами своего короля.

Сумасшествіе короля развилось у него не сразу, а постепенно и мало по малу. Онъ получилъ его по наслѣдству отъ родителей. Людвигъ родился съ сумасшествіемъ и всю жизнь носилъ его въ себѣ. Поэтому неудивительно, что его сумасшествіе явилось постепенно и незамѣтно, — тѣмъ болѣе, что оно служило продолженіемъ и развитіемъ до крайности основныхъ чертъ и свойствъ характера короля. Развитію и усиленію болѣзни короля много способствовало еще и то, что въ его симпатіяхъ и антипатіяхъ, вкусахъ и капризахъ онъ не встрѣчалъ себѣ противодѣйствія. Увлекаясь образами и представленіями своей фантазіи, король больше и больше падалъ въ умственномъ отношеніи, что въ свою очередь еще больше способствовало усиленію мечтательности и игрѣ фантазіи.

Теперь почти постоянно у короля днемъ была ночь, а ночью день. Днемъ онъ спалъ, а ночью бодрствовалъ.

Проснувшись, первымъ его дѣ-

ломъ было просмотрѣть кипу газетъ и интересовавшія его мѣста отмѣтить краснымъ карандашемъ. Затѣмъ онъ игралъ на билліардѣ, или путешествовалъ по залитымъ свѣтомъ заламъ... Вдругъ ему приходило желаніе выслушать одну изъ своихъ любимыхъ оперъ. Летитъ дежурный ординарецъ за придворнымъ артистомъ. Тотъ встаетъ въ 2—3 часа ночи и играетъ королю оперу,—играетъ до тѣхъ поръ, пока король скажетъ «довольно»... А то вдругъ Людвигу угодно послать принцессѣ Гизеллѣ букетъ и опять начинается всеобщая тревога.

Король съ дѣтства стѣснялся общества, былъ нелюдимъ и избѣгалъ людей. Теперь эта особенность характера усилилась и превратилась въ отшельничество. Король заперся въ замкѣ и допускалъ къ себѣ только самыхъ близкихъ людей. Любя музыку и оперу, сначала король помѣщался въ ложѣ такъ, чтобы его никто не видѣлъ. Затѣмъ онъ приказалъ играть оперы только лишь для одного себя,—а затѣмъ

и при этихъ условіяхъ театръ только полуосвѣщался и король сидѣлъ въ темнотѣ. Однажды, во время представленія въ придворномъ театрѣ, король заснулъ. Опера прекратилась и по просыпаніи началась съ того такта, на которомъ остановилась при засыпаніи короля.

На придворныхъ обѣдахъ устраивали сервировку стола такъ, чтобы сидящіе за столомъ были скрыты вазами и цвѣтами, дабы король не могъ видѣть присутствующихъ. Послѣдніе годы жизни Людви́гъ сидѣлъ въ государственномъ совѣтѣ заслоненный экраномъ и послѣдній секретарь совѣта никогда не видѣлъ короля въ совѣтѣ въ лицо. Въ его дворцѣ въ столовой произведены были такія приспособленія, что столъ вполнѣ сервированный и съ готовыми кушаньями, по желанію короля, являлся черезъ полъ, при чемъ король не нуждался въ прислугѣ и не имѣлъ неудобствъ лицеизрѣть кого-либо изъ окружающихъ. Министрамъ стоило большого труда добиться

свиданія и доклада у Людовига, при чемъ король нерѣдко вскакивалъ и прерывалъ докладъ изъ за пустяка, какъ напр., повтореніе стиха и проч. Иногда министрами производились доклады и получались приказанія короля черезъ прислугу. Съ величайшимъ трудомъ можно было устроить приѣмъ посланниковъ иностранныхъ дворовъ у короля Людвига, при чемъ послѣднимъ въ этотъ моментъ для храбрости истреблялось очень много шампанскаго.

Въ молодости воздержный, умѣренный и вполнѣ трезвый, Людви́гъ II-й началъ объѣдаться и много пить вина. Любимымъ его напиткомъ было: шампанское, смѣшанное съ рейнвейномъ и съ каплями фіалковаго эфирнаго масла.

Въ послѣднее время Людви́гъ переносилъ только низшую прислугу. Однажды у короля явилась особенная привязанность и расположеніе къ кавалеристамъ его охоты. Они введены были во дворецъ и служили ему. Но этотъ капризъ длился недолго и кавалеристамъ пришлось покинуть дворецъ.

леристы скоро были изгнаны. Одинъ изъ приближенныхъ короля долженъ былъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль являться къ королю съ маской на лицѣ, такъ какъ повелитель не выносилъ его лица. Другой служитель долженъ былъ явиться къ королю съ черной печатью на лбу, какъ знакъ его глупости, ибо, по мнѣнію короля, въ его головѣ было не все въ порядкѣ. Многія приказанія король издавалъ сквозь двери и подчиненные, въ знакъ пониманія и готовности исполненія воли повелителя, должны были отвѣтить стукомъ въ дверь...

Если Людвигу приходила въ голову какая нибудь мысль, онъ немедленно долженъ былъ выполнить ее. Такъ, вычитавъ что либо о какой нибудь замѣчательной постройкѣ, онъ немедленно снаряжалъ поѣздъ и отправлялся туда. Однажды онъ узналъ, что въ Вѣнѣ давалась опера, въ которой выведена была *madame de Pompadour*. Людвигъ приказалъ послу доставить партитуру оперы во что бы то ни стало, хотя ни

авторъ, ни директоръ театра не желали ему дать ее. Пришлось нанять стенографа для представленія и такимъ образомъ добыть партитуру.

Король любилъ очень путешествовать въ Парижъ, Вѣну и проч. Часто онъ совершалъ эти путешествія, не выходя изъ дворца. Для этого онъ спускался въ манежъ и садился на коня. Послѣ получасовой ѣзды, появлялся переодѣтый кондукторомъ конюхъ—и объявлялъ о пріѣздѣ на ту или другую станцію.

Рядомъ съ этимъ Людвигъ II страдалъ страшными головными болями, особенно въ затылкѣ, и часто прибѣгалъ къ помощи льда. Много также проглотилъ король хлоралъ - гидрата, желая избавиться отъ упорныхъ бессонницъ. Бывали случаи, что у Людвига наступали приступы мускульнаго бѣшенства: онъ скакалъ, плясалъ, рвалъ на себѣ волосы и бороду,—другой разъ онъ, напротивъ, оцѣпенѣвалъ и стоялъ часами неподвижно на

мѣстѣ. Къ этому присоединялись иллюзіи и галлюцинаціи. Король слышалъ голоса и видѣлъ видѣнія. Во время снѣга и мороза ему казалось, что онъ стоитъ у берега моря. Король кланялся деревьямъ и кустамъ; снималъ шляпу передъ кустарникомъ и заставлялъ приближенныхъ преклоняться передъ статуей, принимая ее за Марію Антуанету. Король часто видѣлъ предъ собою ножи и другіе устрашающіе предметы; иногда ему казались на полу предметы и онъ заставлялъ прислугу поднимать ихъ. Полная невозможность для прислуги исполнить приказаніе короля—принималась послѣднимъ за обманъ, нежеланіе исполнить его волю и злоумышленность. Все это нерѣдко весьма возбуждало короля и вызывало съ его стороны бурные приступы гнѣва, выражавшіеся въ рѣзкомъ и жестокомъ обращеніи съ подданными.

Такія же фантазіи были и въ области архитектуры. Людвигъ II имѣлъ особенную страсть къ рос-

кошнѣйшимъ постройкамъ, а особенно къ необыкновенно богатой и блестящей обстановкѣ и убранству. Цѣлый рядъ изящнѣйшихъ дворцовъ, выстроенныхъ Людвигомъ, служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. Особенною роскошью отличался Химскій дворецъ, представлявшій въ миніатюрѣ Версаль. Для точнаго воспроизведенія этого богатѣйшаго дворца Людвигомъ неоднократно, подъ строжайшимъ инкогнито, ѣздилъ въ Парижъ. Богатѣйшія, роскошнѣйшія и изящнѣйшія залы дворцовъ были залиты массою свѣта, — и въ этихъ-то залахъ, въ обществѣ образовъ своей фантазіи, разгуливалъ Людвигомъ II.

Неоднократныя напоминанія министровъ о томъ, что денегъ на постройки нѣтъ, что государство входитъ въ долги, что государство можетъ пострадать, — насколько не удерживало короля отъ дальнѣйшихъ затратъ и построекъ. Когда же министръ уже слишкомъ приставалъ къ королю, то король лично изыскивалъ

средства къ покрытію расходовъ на свои фантазіи. Нельзя сказать, чтобы эти изысканія были слишкомъ глубокомысленны, а средства къ ихъ исполненію очень разборчивы. Не имѣя денегъ, онъ обращался за удовлетвореніемъ къ займамъ у различныхъ правительствъ. Такъ, онъ обращался съ просьбою въ Бразилію, Стокгольмъ, Константинополь, Тегеранъ и проч. Носились настойчивыя утвержденія, что Людвигъ II обращался за ссудами и къ французскому правительству, обезпечивая за это въ свою очередь нейтралитетъ на случай войны Франціи съ Германіей. Естественно, эта вѣсть не могла не обезпокоить Берлинъ и не усилить надзоръ со стороны послѣдняго за тѣмъ, что дѣлается на Химскомъ озерѣ.

Въ поискахъ за деньгами король обращался не къ одному только министру финансовъ «немедленно достать ему денегъ безъ обычныхъ возраженій», но также и къ другимъ лицамъ, напр., жандармскому солдату и проч.

Когда и это не удовлетворяло короля, онъ поручилъ одному изъ приближенныхъ составить изъ дворцовой прислуги шайки и обворовать банки Вѣны, Берлина и Штутгарта.

Въ юности гордый и надменный Людвигъ II доходилъ до того, что считалъ за вольность и непочтеніе, когда бралъ его за руку врачъ для изслѣдованія пульса во время болѣзни.—Проснувшись, король обыкновенно звонилъ камердинера. Послѣдній входилъ къ Его Королевскому Величеству, низко согнувшись. Ставъ на колѣно и положивъ на другое записную книжку, камердинеръ записывалъ цѣлый рядъ вопросовъ короля, иногда до 20. Затѣмъ, послѣ приказанія короля «теперь отвѣчай», — камердинеръ долженъ былъ давать отвѣты. По окончаніи опроса, камердинеръ низко кланялся и спиной уходилъ изъ комнаты короля. Однажды королю показалось, что камердинеръ недостаточно низко поклонился. «Ниже кланяться», закричалъ на

него король. Камердинеръ поклонился до земли, при чемъ получилъ ударъ въ лицо. Изъ официальныхъ данныхъ извѣстно, что 32 его прислужника были королемъ биты, оскорблены дѣйствіемъ, получили толчки и проч. Часто онъ также наказывалъ свой служащій штатъ арапникомъ. Оружіе короля было убрано и далеко спрятано. Многократно король приказывалъ своихъ подданныхъ заковывать въ цѣпи и сажать на хлѣбъ и воду въ воображаемую Бастилію. Другихъ онъ приказывалъ казнить и тѣло бросать въ озеро. Объ исполненіи приказаній короля Его Величеству докладывалось, хотя можно благодарить Бога, что королю не удобно было присутствовать при исполненіи казни.

Разъ Людвигъ послалъ въ Мюнхенъ кавалерійскаго офицера съ такимъ письмомъ: «посланный вчера обѣдалъ со мною, а теперь посадить его въ тюрьму». Когда министръ финансовъ заявилъ королю, что денегъ у государства на его постройки нѣтъ

и что государство и безъ того вошло въ значительные долги, то Людвигъ II далъ такой приказъ въ королевскую комиссію относительно дерзкаго министра: «высѣчь его, собаку, и потомъ выколоть ему глаза». Кромѣ этого было еще издано три приказа за подписью короля о наказаніи розгами министровъ. Однажды Людвигъ приказалъ заключить въ тюрьму государственнаго секретаря von Ziegler'a и королю ежедневно производились ложные доклады о томъ, что von Ziegler сидитъ.

Одно время министръ финансовъ Ridel былъ осужденъ на смерть, а за нимъ были осуждены на смерть и всѣ остальные министры. Существуютъ данныя, изъ которыхъ видно, что король произносилъ ужасныя слова противъ отца и матери, противъ германскаго императора и другихъ государей.

Способствовавшій созданію мощи и величія единой германской имперіи, Людвигъ Баварскій умѣлъ отстаивать независимость

собственного государства и неприкосновенность баварской арміи. Нѣсколько разъ онъ не позволялъ приводить въ исполненіе приказы о преобразованіяхъ въ баварской арміи, идущіе изъ Берлина. Скоро это, однако, превратилось въ ненависть къ всему идущему изъ Берлина, особенно же къ инспектировавшему войска Германскому кронъ-принцу Фридриху. Нѣсколько разъ Людвигъ приказывалъ схватить Фридриха, засадить его въ казематъ и извести голодомъ и жаждой. Такіе же приказы издавались и по отношенію ко многимъ баварскимъ принцамъ и министрамъ.

Страсть къ Вагнеровской музыкѣ скоро перешла у Людвига въ обожаніе самого Вагнера и въ воплощеніе въ себѣ героевъ его оперъ. Слѣдующее письмо Людвига характеризуетъ его отношеніе къ Вагнеру.

Приводимъ это посланіе:

«Высочайшій божественный другъ!

«Съ трудомъ могу дожидаться завтрашняго вечера, до тако-

степени истомился послѣ второго представленія («Тристанъ и Изольда»). Вы писали Пфистермейстеру (интимный секретарь короля), что вы надѣетесь, что моя любовь къ вашему произведенію не уменьшится, вслѣдствіе дѣйствительно довольно плохого пониманія Миттербургерта роли Курвеналя.

«О, нѣжно любимый! Какимъ только образомъ могла зародиться въ васъ подобная мысль? Я въ восторгѣ. Я желаю дальнѣйшихъ представленій.

«Это возвышенное и священное произведеніе.

«Твой геній создалъ нашъ!

«Кто бы, могущій понять его, не сталъ расточать похвалъ?

«Произведеніе, столь великолѣпное, столь пріятное, столь возвышенное, должно было укрѣпить мою душу!

«Привѣтъ его творцу, мы преклоняемся передъ нимъ!

«Другъ мой, будьте добры и скажите превосходной артистической четѣ, что истолкованіе ими ролей привело меня въ восхище-

ніе и восторгъ, объявите обоимъ мою сердечную благодарность. Прошу васъ, доставьте мнѣ радость вашимъ слѣдующимъ письмомъ!

«Неправда ли, мой дорогой другъ, васъ никогда не покинетъ мужество къ созданію новыхъ произведеній. Прошу васъ не падать духомъ, прошу васъ отъ имени тѣхъ, которыхъ вы надѣляете наслажденіями, которыя могъ бы даровать одинъ лишь Богъ.

«Вы и Богъ!

«До смерти, до перехода въ иной міръ, въ царство ночи міровъ, пребываю

вѣрнымъ вамъ

Людвигъ».

Бергъ, 12-го іюня 1865 г.

Очень часто Людвигъ одѣвался въ одежды пиллигрима и воображалъ себя пиллигримомъ изъ Тангейзера. Нерѣдко также онъ изображалъ изъ себя рыцаря Тристана. Но самымъ большимъ любимцемъ его былъ Лоэнгринь. Старая баварская легенда съ ея героемъ сыномъ короля Лоэнгри-

номъ наэлектризовали болѣзненное воображеніе короля до крайнихъ предѣловъ. Онъ не только хотѣлъ быть Лоэнгриномъ, но хотѣлъ даже жить Лоэнгриномъ. Для этого онъ одѣвался въ костюмъ Лоэнгрина и плавалъ въ лодочкѣ по озеру Штарнбергъ въ сопутствіи лебедя. Но это показалось королю слишкомъ скучнымъ и онъ приказалъ устроить резервуаръ съ водой на крышѣ замка, гдѣ онъ и катался въ лодочкѣ въ сопровожденіи лебедя. Небо и солнце, луна и звѣзды взирали на причудливыя затѣи короля мечтателя. Эти прогулки въ лодочкѣ подъ покровомъ небеснаго свода были омрачаемы тѣмъ, что вся вода была безцвѣтна. Недоставало лазуревой воды съ отблесками въ ней голубого неба. Пришлось удовлетворить невинное желаніе короля. Въ воду пущенъ былъ мѣдный купоросъ. Вода была лазурная. Король счастливъ и доволенъ. А купоросъ проѣлъ металлическій резервуаръ, и вся вода ушла въ кабинетъ короля.

Пришлось измышлять новый способ окраски воды. Ее окрасили оптическими способами, путемъ извѣстнаго преломленія свѣтовыхъ лучей въ стеклахъ и водѣ. Король счастливъ и доволенъ. Но счастье никогда не бываетъ продолжительно. Вода была слишкомъ тиха и покойна. Нужно, чтобы она волновалась и бурлила. Тогда устроили приспособленія для волненій на этомъ искусственномъ озерѣ. Машины поставлены. Но, видимо, волненіе было очень большое. Солдаты переусердствовали. Лодочку волненіемъ перевернуло. Лоэнгринъ принялъ холодную ванну и на этомъ покончилъ свои поднебесныя прогулки.

Король сталъ горнымъ духомъ. Онъ таинственно бродилъ по пустымъ заламъ дворца, освѣщеннымъ безчисленнымъ количествомъ свѣчей. То въ лунную ночь король бродилъ вокругъ замка. Зимой онъ часто по ночамъ предпринималъ поѣздки въ горы на саняхъ, освѣщенныхъ электрическимъ свѣтомъ, одѣтый

въ фантастическій костюмъ духа. Масса народа содержалась для того, чтобы держать дорогу въ порядкѣ. Часто крестьяне видѣли, какъ дивное видѣніе мчалось по дорогѣ въ саняхъ, запряженныхъ четверней лошадей, украшенныхъ перьями.

Король началъ увлекаться версалемъ. Устроилъ его миньятюръ до мельчайшихъ подробностей. Людвигъ преклонялся предъ Людовикомъ XIV и подъ конецъ воплотилъ его въ себѣ. Одѣтый въ костюмъ этого короля, онъ разгуливалъ по комнатамъ дворца и повторялъ все то, что считалъ достойнымъ изъ жизни короля.

Король заказывалъ обѣды на 20 и болѣе сотрапезниковъ. Обѣдалъ онъ одинъ, но пища подавалась всѣмъ тѣмъ невидимымъ лицамъ, для которыхъ поставлены были приборы за королевскимъ столомъ. Кого именно приглашалъ король—это вскорѣ обнаруживали таинственные разговоры, которые онъ велъ съ пустыми приборами. Въ его вообра-

женіи за этими приборами сидѣли знаменитыя личности времени Людовика XIV. Онъ обсуждалъ событія того времени и всего охотнѣе разговаривалъ о версальскихъ постройкахъ и дворцахъ, которые онъ началъ строить. Подобные разговоры иногда продолжались по нѣсколько часовъ и никто не дерзалъ прерывать ихъ. Иногда мѣста за столами обозначались билетами, на которыхъ были начертаны имена маршаловъ Людовика XIV, или архитекторовъ и художниковъ того же времени.

Наскучивъ постоянными представаніями министровъ, король собирался продать Баварію и купить себѣ необитаемый островъ, гдѣ его не стѣсняли бы ни конституція, ни совѣтъ министровъ. Это желаніе короля оказалось неосуществимымъ. Людви́гъ II приказалъ директору государственныхъ архивовъ отправиться въ глубь Гиммалайскихъ горъ, чтобы найти тамъ такую страну, гдѣ Людви́гъ могъ бы царствовать неограниченнымъ монархомъ

Этотъ подданный объѣздилъ Канаду, Кипръ, Критъ и даже Крымъ, чтобы отыскать такой укромный уголокъ, гдѣ бы его монархъ могъ прожить покойно нѣсколько лѣтъ. При этомъ ему даны были указанія для веденія переговоровъ съ мѣстными властями относительно того, можетъ ли король пользоваться въ своемъ новомъ мѣстопробываніи всѣми принадлежащими ему верховными правами, или же одною только личною независимостью. Посланный отовсюду привезъ королю разочарованіе и посовѣтовалъ ему бросить свои фантазіи.

Всѣ эти поступки, чрезмѣрные траты, бессмысленныя постройки, страшныя и небезопасныя выходки политическаго характера не могли не обратить на Людвига вниманія какъ въ Берлинѣ, такъ и особенно въ Мюнхенѣ, гдѣ быть министромъ финансовъ было не вполне пріятно и безопасно.

Назначена была коммиссія изъ четырехъ выдающихся психіатровъ, которая 9 іюня 1886 г. дала слѣдующее заключеніе: 1.

Его Величество страдает рѣзко развитой формой душевнаго разстройства извѣстной подъ именемъ рагапоіа.

2. Вслѣдствіе слишкомъ большой давности и запущенности болѣзни въ теченіе многихъ лѣтъ, болѣзнь Его Величества должно считать неизлечимой, при чемъ исходомъ болѣзни можетъ быть только слабоуміе.

3. Такая болѣзнь уничтожаетъ свободу воли и дальнѣйшее вмѣшательство короля въ государственныя дѣла будетъ только мѣшать управленію королевствомъ. Это состояніе душевной дѣятельности короля является пожизненнымъ.

Gudden,
Hagen,
Grashey,
Hubrech.

Такое заключеніе специалистовъ было однако не послѣднимъ актомъ въ жизненной трагедіи короля. Нужно было объявить это рѣшеніе королю, а равно и рѣшеніе государственнаго совѣта о назначеніи опеки. Для этого къ

королю послана была особая коммиссія. Коммиссія состояла изъ министра иностранныхъ дѣлъ и двора профессора Gudden'a, Dr. Müller'a, совѣтника Rumper'a, назначеннаго состоять при Людвигѣ полковника и необходимаго медицинскаго служебнаго персонала. Король находился въ замкѣ Шванштейнѣ. Стража, состоявшая при королѣ, не получила приказанія ни о признаніи короля больнымъ, ни о назначеніи регентства. Поэтому, когда коммиссія явилась въ Шванштейнѣ, то была встрѣчена весьма грозно и отослала въ замокъ Гогеншвангау, гдѣ она состояла подъ строжайшимъ надзоромъ. Спустя нѣкоторое время, въ Шванштейнѣ потребовали изъ коммиссіи министра двора, а чрезъ нѣкоторое время и остальныхъ членовъ коммиссіи, «которые утромъ хотѣли ворваться туда силою», — при чемъ король издалъ приказъ: выколоть членамъ коммиссіи глаза и содрать шкуру живьемъ». Дѣло обстояло для коммиссіи не вполне благополучно и могло окончиться

весьма плачевно, прежде чѣмъ подоспѣтъ разъясненіе изъ Мюнхена. Къ счастью комиссіи, черезъ два часа начальникъ получилъ точныя приказанія изъ Мюнхена и члены комиссіи были выпущены на свободу. Не будетъ удивительнымъ, если мы добавимъ, что эти члены бѣжали изъ Шванштейна, бросивъ тамъ даже свои вещи, и возможно скорѣе поспѣшили въ Мюнхенъ.

Оборотная сторона этого дѣла состояла въ слѣдующемъ: комиссія, посланная къ королю, не прямо направилась въ Шванштейнъ, а предварительно занялась надлежащимъ приспособленіемъ дворца, куда долженъ былъ быть перевезеннымъ Людвигъ II. Вѣсть объ этомъ быстро достигла Шванштейна. Впервые объ этомъ король узналъ отъ своего кучера. Возвратившись домой, Людвигъ собралъ жандармерію и пожарныхъ, изъ сосѣднихъ деревень, вызвалъ полкъ егерей и издалъ воззваніе къ арміи, отдавая себя подъ ея защиту. Армія и егери были уже освѣдомлены о поло-

женіи дѣла, почему не двинулись съ мѣста; за то жандармы и пожарные вооружились въ защиту короля и встрѣтили комиссію съ оружіемъ въ рукахъ.

11 іюня комиссія явилась въ замокъ вновь, при чемъ король встрѣтилъ ее вполне покойно. Говорятъ, что онъ покушался выброситься изъ башни замка, но его отъ этого охранили приближенные. Находясь подъ наздономъ жандармовъ, принявшихъ присягу на вѣрность регенту, король держалъ себя покойно, ровно и разумно. Онъ отказался отъ всякой попытки къ бѣгству, хотя для этого приближенными все было приготовлено. «Я признаю за лучшее подчиниться судьбѣ, говорилъ онъ. Мой дядя не могъ бы устранить меня отъ правленія, если бы мой народъ не былъ на это согласенъ». Нѣсколько позже Людвигъ заявилъ: «мнѣ было бы очень легко освободиться, стоило бы только выпрыгнуть изъ этого окна и всему позору конецъ. Что меня лишаютъ правленія—это ничего, но я не могу

пережить того, что меня дѣлають сумасшедшимъ».

Вечеромъ король принималъ совѣтника Müller'a и говорилъ съ нимъ нѣсколько времени покойно и разумно. На разсвѣтѣ король ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, посѣтилъ домовую церковь и концертный залъ и замѣтилъ при этомъ камердинеру: «я предчувствую, что вижу тебя въ послѣдній разъ». Коммиссія безпрепятственно увезла короля въ приготовленный для него замокъ Бергъ. Окрестные жители очень сожалѣли короля, многіе плакали и дѣло бы могло окончиться кровопролитіемъ, если бы король изъявилъ на то свое согласіе.

Въ Бергѣ король былъ покоенъ, милостиво бесѣдовалъ съ докторами Cudden'омъ и Müller'омъ и высказалъ удовольствіе, что все было устроено согласно его вкусамъ. 12 іюня прошло вполне благополучно. 13 утромъ Людвигъ гулялъ съ Cudden'омъ и ласково съ нимъ бесѣдовалъ. Вечеромъ, въ началѣ сьмого,

Людвигъ пожелалъ вновь прогуляться, для чего и отправился вмѣстѣ съ Gudden'омъ. Сзади ихъ шли два служителя. Замѣтивъ служителей, король просилъ ихъ удалить, что и было исполнено. Въ 8 часовъ король не вернулся съ Gudden'омъ съ прогулки. Поднялась общая тревога. Начались поиски и тѣла спутниковъ были найдены въ озерѣ Штарнбергъ. Часы короля, залитые водою, остановились на 7 часахъ безъ шести минутъ.

О несчастѣ на озерѣ газеты передаютъ слѣдующее:

Отправившись на прогулку, король нѣкоторое время шелъ рядомъ съ Gudden'омъ. Дорога отъ берега озера, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ случилось несчастье, отстоитъ на 10—15 шаговъ. Судя по положенію труповъ на озерѣ, а также по направленію слѣдовъ на днѣ его, событіе произошло такъ: король шолъ справа, а Gudden слѣва. Подойдя къ тому мѣсту, гдѣ они утромъ сидѣли на скамьѣ, Людвигъ ускорилъ шаги и зашелъ нѣсколько

впередъ; потомъ онъ, бросивъ дождевой зонтикъ, побѣжалъ по каменистому берегу къ озеру. Gudden, также бросивъ дождевой зонтикъ, побѣжалъ за нимъ. Но такъ какъ Людвигъ его опередилъ, то Gudden'у пришлось бѣжать на перерѣзъ водою. У воды Gudden схватилъ короля за сюртукъ. Людвигъ быстро сбросилъ пальто и сюртукъ и эти вещи были найдены на берегу. Оба бросились въ воду. Завязалась борьба не на животь, а на смерть. Бой происходилъ въ 10—15 шагахъ отъ берега. Боролся молодой, сильный и крѣпкій человекъ, спасающій свою честь, съ 62 лѣтнимъ старикомъ, душевно преданнымъ своему королю и вѣрнымъ своему долгу даже до послѣдней минуты жизни. Король губилъ свою жизнь. Преданный врачъ спасалъ чужую жизнь цѣною своей жизни. Король побѣдилъ. Знаменитый ученый, профессоръ Gudden, поплатился жизнью. Его трупъ былъ найденъ въ полусогнутомъ положеніи; его голова была подъ во-

дою, тогда какъ спина выдавалась изъ воды. Лицо Gudden'a было исцарапано. Утопивши Gudden'a на мелкомъ мѣстѣ, Людвигъ пошелъ въ глубь озера, гдѣ нашелъ и свою смерть.

Такъ безвременно погибли два человѣка: одинъ молодой, сильный, мощный и властный король,—другой почтенный старецъ, знаменитый ученый и примѣрный вѣрноподданный.

Изложивъ однако вышеприведенные факты, мы должны сдѣлать слѣдующую оговорку: нашъ больной-король, т. е. лицо, по своему общественному положенію стоящее внѣ общества. Его жизнь скрыта отъ глазъ простыхъ смертныхъ. Достояніемъ общества стали только отдѣльные случаи,—остальная же жизнь сокрыта въ душахъ его приближенныхъ. Приведенные нами факты разбросаны по всей его жизни въ теченіе многихъ лѣтъ, едва ли не 20. Если приведенные случаи слишкомъ ярко и рѣзко обрисовываютъ болѣзненное состояніе короля, то только потому, что они со-

единены нами во едино цѣлое; будучи же разбросанными на много лѣтъ, они несравненно меньше отгѣняютъ болѣзненность даннаго лица. Съ другой стороны мы должны добавить, что положеніе короля, т. е. пребываніе его внѣ и выше общества, лишаютъ насъ возможности имѣть побольше обстоятельствъ, указывающихъ на болѣзненное состояніе короля, такъ какъ его жизнь стояла внѣ вѣдѣнія простыхъ смертныхъ. Очевидно, болѣзненныхъ явленій было не счесть больше, но они остались для насъ неизвѣстными. Наконецъ, принимая во вниманіе особенное положеніе нашего больного, мы не можемъ отрицать и того, что нѣкоторые изъ приведенныхъ нами фактовъ есть плоды фантазіи и празднаго воображенія людскаго. Можетъ и это быть. Мы привели только то, что появилось въ газетахъ о жизни короля и на основаніи этого дѣлаемъ свои заключенія.

Невольно напрашивается вопросъ: какимъ образомъ, однако,

при такой массѣ примѣровъ, ясно указывающихъ на очень раннее разстройство умственныхъ способностей короля, онъ не только могъ оставаться королемъ, но и заслуживать любовь приближенныхъ, расположеніе окрестныхъ жителей, уваженіе всѣхъ гражданъ и почтеніе отъ иностранныхъ правителей? На это мы отвѣтимъ: король жилъ крайне уединенно и одиноко. Его жизнь была извѣстна лицамъ, только близко къ нему стоящимъ. Кромѣ того министры свидѣтельствуютъ, что въ государственныхъ дѣлахъ Людвигъ отличался замѣчательнымъ знаніемъ дѣла, ясностью пониманія и необыкновенною проницательностью. Наконецъ, самыя его болѣзненные увлеченія художествомъ, музыкою и архитектурой могли въ его подданныхъ возбуждать только безпредѣльное уваженіе и восхищеніе.

Но чтобы лучше понять это странное положеніе дѣла, мы на минуту оставимъ короля и обратимся къ его болѣзни.

Знаменитый ученый проф. Gud-

den, не менѣе знаменитый психіатръ Craschey клятвенно заявили государству, что король Людвигъ II страдалъ душевнымъ разстройствомъ, извѣстнымъ въ наукахъ подъ именемъ параной.

Что же такое это за болѣзнь.

Подъ именемъ параной или первичнаго помѣшательства разумѣется такое разстройство умственныхъ способностей, при которомъ въ обычный кругъ мышленія, въ обычное сочетаніе представленій, въ обычный, признаваемый нами за правильный образъ жизни и дѣйствій, врывается кругъ безумныхъ идей, въ видѣ ограниченнаго бреда. Такимъ образомъ при этомъ происходитъ раздвоеніе сознанія въ человѣкѣ: съ одной стороны онъ живетъ здоровою жизнью, ея интересами, дѣлами и обстоятельствами,—съ другой стороны, внутри себя такой больной таитъ болѣзненные мысли, бредовыя идеи и цѣлый рядъ безумныхъ представленій. Такъ, напр., невинный чиновникъ, всю жизнь свою проведшій въ канцеляріи въ обще

ствѣ бумаги, всю жизнь занимавшійся писательствомъ, — вдругъ вообразить себѣ, что онъ социалистъ и что его преслѣдуетъ за это правительство. Онъ по прежнему продолжаетъ составлять и строчить бумаги за №, — онъ прежній семьянинъ, товарищъ и служака; только въ немъ начинаютъ замѣчаться странности. Онъ сталъ слишкомъ наблюдателенъ ко всему окружающему; очень подозрителенъ и чрезвычайно скрытенъ. Такой человѣкъ сторонится отъ людей. Въ обычныхъ ихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ онъ видитъ нѣчто необыкновенное, что-то противъ него направленное. Сторожъ Федоръ не сторожъ уже, а агентъ тайной полиціи, приставленный исключительно для того, чтобы слѣдить за нимъ. Его товарищи, тоже только «такъ себѣ товарищи», а въ сущности и они его враги. Начальство тоже «себѣ на умѣ», всѣ «они» образуютъ между собою общество, которое къ нему весьма враждебно, которое за нимъ слѣдитъ и по пятамъ его преслѣдуетъ.

Къ этому бреду скоро на помощь присоединяются иллюзіи и галлюцинаціи. Больной во всѣхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ окружающихъ видитъ особенный таинственный оттѣнокъ. Входя въ канцелярію, больной услышалъ, какъ Федоръ кашлянулъ. Понятно. Это онъ далъ знать, что иду я... При входѣ больного Иванъ Федоровичъ громко произнесъ: Какой тонъ... Какой оттѣнокъ... Этимъ онъ далъ понять «имъ», что иду я...

А между тѣмъ дома жена, дѣти. Со службы могутъ выгнать. Уже теперь они подозрѣваютъ его. Издѣваются надъ нимъ. Подаютъ на его счетъ какіе-то знаки... и скрипитъ несчастный больной, скрипитъ день и ночь надъ бумагами. Старается не сдѣлать ничего такого, чтобы послужило указаніемъ на его неисправность. «Они за спиной слѣдятъ... Богъ съ ними... буду чуждаться ихъ»... И онъ сторонится. Уклоняется. Не договариваетъ и тѣмъ все больше и больше возбуждаетъ дѣйствительную уже подозри-

тельность и дѣйствительный надзоръ надъ несчастнымъ больнымъ.

А тутъ новая бѣда приклатается. Сосредоточенный на «нихъ», обуреваемый страхомъ и ужасомъ предъ своимъ положеніемъ, раздраженный и ослабленный, утомленный работою и разбитый безсонницей, — больной начинаетъ дѣлать на бумагахъ пропуски, ошибки, бессмыслицы. Слѣдуютъ: замѣчанія, выговоры, — а равно и мысли о преслѣдованіи и несправедливости.

Къ сожалѣнію и дома уже больной не находитъ покоя. Жена и дѣти тоже уже не тѣ, что были прежде. И они стали къ нему присматриваться, слѣдить и преслѣдовать. Больной начинаетъ принимать мѣры къ предупрежденію и пресѣченію преступленія. Онъ тщательно по ночамъ запираетъ окна и двери. Запасается заряженнымъ револьверомъ, вѣшаетъ надъ постелью сабли, кинжалы, топоръ и проч. Десятки разъ на ночь онъ обходилъ домъ, чтобы освѣдомиться не забрались ли воры.

Къ женѣ и дѣтямъ онъ становится во враждебныя отношенія, такъ какъ видитъ въ нихъ враговъ. Часто въ разговорѣ ихъ оскорбляетъ, а иногда ночью, подъ вліяніемъ безумныхъ идей и галлюцинацій, онъ нападаетъ на нихъ съ топоромъ и совершаетъ ужаснѣйшія преступленія.

А между тѣмъ поговорите съ этимъ Иваномъ Ивановичемъ о дѣлахъ, и онъ прекрасно излагаетъ всѣ обстоятельства дѣла. Помнитъ всѣ подробности всѣхъ прежнихъ дѣлъ. Отлично излагаетъ механику производства дѣла. Всѣ обстоятельства обычной жизни точно также вполнѣ отчетливо въ немъ существуютъ и всѣ отношенія вполнѣ правильно поддерживаются. Однимъ словомъ, это прежній Иванъ Ивановичъ, но только нѣсколько странный, скрытный, подозрительный, сосредоточенный и нѣсколько причудливый.

Количество и степень его причудъ стоятъ въ прямой зависимости отъ того, насколько въ тотъ или другой моментъ жизни

даннаго больного преобладаетъ здоровое миросозерцаніе надъ больнымъ, или больное надъ здоровымъ.

Но вотъ проходитъ нѣкоторое время. Больной измученъ своею двойственностью. Больной изстрадался. Больной приходитъ въ отчаяніе.

Невольно у него является мысль: за что мнѣ все сіе? Почему меня преслѣдуютъ? Гдѣ кроется тому причина?

Въ дальнѣйшемъ болѣзнь развивается вполне естественнымъ логическимъ путемъ.

Людей посредственныхъ, ни чѣмъ не выдающихся, обыкновенно никто не преслѣдуетъ. Преслѣдуютъ тѣхъ, кто по своимъ правамъ, дарованіямъ или способностямъ чѣмъ нибудь выдается надъ другими. И такъ я?.. Нѣкоторое время человѣкъ остается въ недоумѣніи — кто онъ? Рѣшенію вопроса часто способствуютъ совершенно случайныя обстоятельства. Изъ Болгаріи былъ изгнанъ принцъ Баттенбергскій;

Болгарскій престолъ освободился. И такъ я король Болгарскій.

При этомъ больной вспоминаетъ, какъ еще въ дѣтствѣ бабушка въ сказкѣ ему говорила, что царскаго сына украли и отдали на воспитаніе рыбакамъ. Теперь онъ прозрѣлъ. Теперь онъ ясно понимаетъ, что рыбаки эти были не рыбаки, а его бѣдные родители. Царскій сынъ—это онъ. Его бѣдные родители вовсе не родители, а только лишь воспитатели; онъ и есть царскій сынъ, а его родители царь и царица. Теперь онъ ясно помнитъ, какъ въ дѣтствѣ къ нимъ приходили цыгане. Это были вовсе не цыгане, а царскіе соглядатаи, хотѣвшіе развѣдать о его житьѣ-бытьѣ. Теперь только онъ понимаетъ, что и въ книжкахъ, что онъ читалъ, говорилось все о немъ.

Ясно и понятно, почему его сослуживцы такъ невѣротерпимы къ нему. Они узнали о его царскомъ происхожденіи, о его правахъ на престолъ. Имъ завидно. Они ненавидятъ его. А быть можетъ они

всѣ и подкуплены, чтобы уничтожить его,—извести его. Недаромъ они объявили его социалистомъ. А семья... семья тоже знаетъ истину и боится за свое существованіе.

На помощь къ этому бреду являются галлюцинаціи и образы фантазіи. Больной начинаетъ пренебрегать службой. Онъ уединяется. Онъ замыкается къ себѣ. Онъ живетъ образами своей фантазіи. Онъ представляетъ себѣ дворецъ, свою жену,—не эту настоящую, а другую, — королевскую. Богатство и роскошь убранства. Масса разодѣтыхъ слугъ. Къ нему приходятъ съ докладомъ министры. Онъ дѣлаетъ войскамъ смотръ. Музыка играетъ. Всюду неимоверный шумъ и крикъ ура. Онъ величественъ. Онъ могущественъ. Дни и ночи онъ проводитъ въ этомъ фантастическомъ мірѣ.

Посмотрите на этого человѣка издали, не давая замѣтить своего вниманія. Какая у него мимика лица, какая у него жестикалія. Часто онъ схватывается,

быстро бѣгаетъ по комнатѣ, машетъ руками, иногда даже кричить. Это онъ командуетъ войсками. А вотъ иная картина. Онъ величественно стоитъ. Лицо спокойное, но торжественное и величественное. Поза величія и могущества. Рука дѣлаетъ честь величія и снисходительности. Это онъ принимаетъ иноземныхъ пословъ.

А подойдите вы къ нему и вы увидите вновь прежняго Ивана Ивановича, отлично знающаго отношеніе за № такимъ-то и могущаго вновь составить новое отношеніе за № слѣдующимъ...

Содержаніе бреда такихъ больныхъ можетъ быть весьма разнообразно, въ зависимости отъ политическихъ и общественныхъ обстоятельствъ даннаго времени и отъ данныхъ свойствъ, симпатій и антипатій человѣка, воспитанія и увлеченій.

Во время войны мы имѣемъ бредъ военного характера. Во время усиленнаго движенія социализма у насъ была масса больныхъ съ бредомъ социалистиче-

скаго характера. Во время усиленнаго развитія спиритизма больные бредили о преслѣдованіи ихъ посредствомъ спиритическихъ приемовъ. Нынѣ большое значеніе имѣютъ гипнотизмъ, телефонъ и магнитизмъ.

Не менѣе, если не болѣе важную роль въ содержаніи и развитіи болѣзни играютъ и личныя особенности человѣка. Болѣзнь эта въ огромномъ большинствѣ случаевъ развивается на наслѣдственно болѣзненной почвѣ. Зачатки нервной неустойчивости, зачатки болѣзненныхъ проявленій характера, влеченій и проч. въ дальнѣйшемъ возрастаютъ и въ зрѣломъ возрастѣ даютъ уже готовый созрѣвшій болѣзненный плодъ. Особенно хорошо обработаннымъ и выкристаллизированнымъ этотъ плодъ является въ тѣхъ случаяхъ, когда унаслѣдованныя качества и свойства характера и душевной дѣятельности находятъ себѣ поддержку и укрѣпленіе въ воспитаніи и обстоятельствахъ дальнѣйшей жизни даннаго лица.

Изложивъ коротко нѣкоторыя

части ученія о параноѣ, намъ легко теперь будетъ понять болѣзненное состояніе Людвига II, короля Баварскаго.

Людвигъ II имѣлъ рядъ предковъ съ несомнѣннымъ отягощеніемъ центральной нервной системы. Естественно, что и на свѣтъ Людвигъ явился уже съ неустойчивой и подорванной нервной системой. Что это предположеніе вѣрно, мы находимъ подтвержденіе въ томъ обстоятельстве, что заболѣванію подвергался не одинъ онъ, а и другіе члены его семейства, какъ братъ его Оттонъ, нынѣшній король Баваріи.

Одаренный отъ природы прекрасными умственными способностями, Людвигъ, однако, воспитывался такъ, что не получилъ отвлеченія отъ своихъ болѣзненныхъ задатковъ; напротивъ, въ дальнѣйшей жизни онъ нашелъ только поддержку и укрѣпленіе своимъ болѣзненнымъ особенностямъ. Имѣя по природѣ крайнее влеченіе къ уединенію, одиночеству и устраненію отъ общества,

онъ и въ силу своего положенія, какъ будущаго короля, долженъ былъ стоять нѣсколько особо, нѣсколько дальше отъ подданныхъ. Такое положеніе дѣла не отвлекло его природнаго сосредоточія, не привязало къ обычной человѣческой жизни, не заинтересовало нуждами простого человека. Въ этомъ отношеніи онъ не получилъ отвлеченія, не получилъ широкаго развитія и не проникся потребностями нуждъ и заботъ простыхъ людей. Не найдя отвлеченій въ столь широкомъ жизненномъ призваніи, Людовигъ II еще больше сосредоточивался на своихъ болѣзненныхъ влеченіяхъ, чувствахъ, инстинктахъ и потребностяхъ.

Въ родѣ Виттельсбаховъ вѣками поддерживалось стремленіе ко всему прекрасному: изваяніямъ, живописи, особенно же къ музыкѣ и архитектурѣ. Получивъ по наслѣдству особенное влеченіе, болѣзненную страсть къ музыкѣ и архитектурѣ, а вмѣстѣ съ симъ и особенное, необыкновенное развитіе фантазіи, болѣз-

ненно преобладающее надъ дѣйствіемъ чистаго разсудка, Людвигъ нашелъ еще большую поддержку своей болѣзненной фантазіи въ воспитаніи. Юношу окружили лучшими артистами и художниками, — этого требовали преданія рода Виттельсбаховъ, — и такимъ образомъ подлили въ огонь масла. Но кромѣ воспитанія насильственного, воспитанія назначеннаго ему родителями, — Людвигъ воспитывался преданіями и памятниками, стоящими вокругъ него въ видѣ замѣчательныхъ архитектурныхъ построекъ, созданныхъ его предками Виттельсбахами, въ видѣ знаменитыхъ картинныхъ галлерей, прекрасныхъ собраній изваяній и проч. Все это Людвигъ видѣлъ, все это изучалъ, — все это говорило ему, какъ завѣтъ предковъ, объ ихъ достоинствахъ, и все это поощряло его на дальнѣйшее продолженіе и совершенствованіе. При такихъ сочетаніяхъ обстоятельствъ диво-ли, если у Людвига явилась особенная страсть къ постройкамъ,

страсть, побѣждающая доводы разсудка и порицающая представленія министровъ...

На горе Людвигу, при его блестящихъ, но болѣзненныхъ природныхъ художественныхъ дарованіяхъ. Въ это время явилась музыка Вагнера. Музыка Вагнера, по отзывамъ многихъ знатоковъ дѣла,—это наркотическое созданіе, дѣйствующее на мозгъ человека также опьяняюще, какъ опій, гашишъ, морфій и проч. И вотъ на этотъ-то наркотикъ всѣми фибрами своей больной души нападаетъ Людвигъ II. Его увлекающаяся, мечтательная и фантазирующая душа цѣликомъ отдается этой музыкѣ и не отличаетъ созданія отъ создателя, героевъ отъ себя лично и образовъ фантазіи отъ дѣйствительной обстановки. Это тотъ запой, который наиболѣе разслабилъ разсудокъ и погубилъ короля.

Несчастныя обстоятельства жизни оттолкнули молодого короля отъ его невѣсты, создали отвращеніе къ женскому полу и тѣмъ самымъ парализовали въ немъ

чувства, инстинкты, страсти, заботы, стремленія и дѣйствія мужа и отца. Это отклоненіе еще болѣе бросило его въ область фантазій и породило подозрительность къ окружающимъ, мысли о надзорѣ за нимъ, идеи о преслѣдованіи и цѣлый рядъ поступковъ, указывающихъ на боязнъ не только женщинъ, но и вообще людей.

Отъ природы вообще гордый и высокомерный, Людвигъ и въ болѣзни своей проявлялъ болѣзненно небрежное и высокомерное отношеніе къ окружающимъ, въ видѣ грубостей и наказаній.

Удалившись отъ людей, Людвигъ жилъ образами фантазіи. Не испытывая горестей и радостей обычной жизни, онъ жилъ жизнью, созданною его мечтами. Не имѣя повышеній и отличій обычной жизни, онъ превращалъ себя въ фантастической жизни то въ Людовика, то въ Лоэнгрина, то въ горнаго духа.

Масса фактовъ, собранныхъ нами, ни на одну секунду не оставляетъ сомнѣнія въ болѣзни короля. Но всѣ эти факты гово-

рятъ намъ, что въ жизни этого человѣка не было ничего новаго, ничего необыкновеннаго, ничего неожиданнаго. Всѣ болѣзненныя проявленія суть только естественное развитіе природныхъ его дарованій. Уже отъ природы онъ унаслѣдовалъ болѣзненную и фантазирующую натуру,—дарованія, въ которыхъ блестящія умственные способности заглушались геніальными созданіями воображенія. Воспитаніе, образованіе, обстановка, обстоятельства жизни и случайности сдѣлали то, что не разумъ взялъ перевѣсъ надъ образами фантазіи, а воображеніе и фантазія одержали побѣду надъ разумомъ. Разумъ подломился, создалась душевная болѣзнь.

Но мы знаемъ, что душевная болѣзнь, поразившая короля, такого свойства, что она представляется государствомъ въ государствѣ. Она представляетъ болѣзненный островъ въ живомъ и здоровомъ морѣ жизни. У такого больного является двойственность сознанія: съ одной

стороны вся обычная жизнь съ ея нуждами, требованіями и дѣлами,—съ другой стороны жизнь личная, жизнь воображеній и фантазій. Первая жизнь дозволяетъ человѣку быть обычнымъ человѣкомъ, исполнять государственныя и общественныя обязанности, быть мужемъ, отцомъ и гражданиномъ, — вторая — дѣлаетъ его сумасшедшимъ. До тѣхъ поръ, пока эти двѣ жизни могутъ существовать совмѣстно, при подчиненіи второй жизни требованіямъ первой, — до тѣхъ поръ такой больной мыслимъ въ обществѣ; но когда требованія второй жизни начинаютъ тяготѣть и преобладать надъ требованіями первой—этотъ человѣкъ неправо-способенъ.

Людвигъ II при всѣхъ его болѣзненныхъ проявленіяхъ, почти до конца жизни являлся умнымъ, находчивымъ, сообразительнымъ и настойчиво отстаивающимъ интересы королевства королемъ. — Диво-ли, что при его правильномъ управленіи какъ короля, при его уединенной и замкнутой

жизни—его подданные знали его какъ мудраго короля и настойчиваго охранителя государственной самостоятельности даже предъ лицомъ желѣзнаго человѣка. Съ этой точки зрѣнія Людви́гъ II, по праву, пользовался преданностью и любовью баварцевъ.

Но этого мало. Его болѣзненные страсти,—страсти въ высокой степени благодарныя и возвышенныя. Она тратилъ десятки милліоновъ на постройки дворцовъ. Страсть чрезвычайно благородная и заслуживающая полного сочувствія и одобренія. Людви́гъ тратилъ на эти дворцы не государственныя деньги, а свои личныя,—тѣ деньги, которыя государство отпускало ему на его личныя потребности. Онъ тратилъ ихъ на высоко-художественныя произведенія и тѣмъ украсилъ государство, развивалъ немъ возвышенные вкусы и потребности и этимъ привлекъ тысячи путешественниковъ въ Баварію и создалъ ей славу и обогащеніе. Наконецъ онъ тратилъ деньги въ своемъ государствѣ и тѣмъ обо-

гатишь десятки тысячъ подданныхъ.

Еще больше сдѣлалъ Людви́гъ по отноше́нію къ театру. Опера Мюнхена была вышею въ мірѣ. Множество путешественниковъ стекалось въ Мюнхенъ исключительно для оперы. Народъ былъ въ восторгѣ. Диво-ли, что баварцы боготворили своего больного короля!..

